

ИРМА ИВАНОВНА МУЛЛОНИН

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Федеральный исследовательский центр «Карель-
ский научный центр Российской академии наук»
профессор кафедры прибалтийско-финской филологии
Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петроза-
водск, Российская Федерация)
mullonen@krc.karelia.ru

НАЗВАНИЯ-ДУБЛЕТЫ В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
ЛЮДИКОВСКОГО ПРИОНЕЖЬЯ*

На материале дублетных, то есть разных наименований одного или смежных объектов показана лабильность топонимической системы, которую обычно принято считать стабильной. Выявлен потенциал этой динамичности как для исторического языкознания, так и этноисторического исследования. Анализируются причины такой подвижности, среди которых приток нового населения, связанный с хозяйственно-экономическим освоением территории. Для анализа привлечен топонимический материал людиковского Прионежья – как полевой, так и извлеченный из исторических источников начиная с XVI века. Рассматриваются три случая дублетов: первый – карельское и параллельно бытующее русское название, не являющееся переводом карельского оригинала (кар. *Kendärv* – рус. *Кончезеро*), второй – смена топонима на протяжении документально зафиксированной истории (*Пертозеро* – *Викиозеро*), третий – связка двух разноязычных названий территориально смежных объектов, в которых отражается общий мотив возникновения (*Повежа* – *Коштомозеро*), позволяющий предполагать переводной характер одного из топонимов связки. Анализ проводится на основе методик сравнительно-исторического языкознания, а также широкого спектра собственно топонимических приемов.

Ключевые слова: топоним, прибалтийско-финские языки, русские говоры, людиковское наречие, Прионежье

Для цитирования: Муллонен И. И. Названия-дублеты в топонимической системе людиковского Прионежья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 31–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.398

ВВЕДЕНИЕ

Карельская людиковская территория, расположенная в притяжении Онежского озера, свелась сейчас к нескольким поселениям. Однако документы разного формата – от собственно исторических и статистических до языковых – убедительно свидетельствуют о том, что это наследие единого ареала, тянувшегося с севера на юг почти на 200 км от Суны до Свири, а в меридиальном направлении на 50 км. Утрата языка и этнического самосознания, которая приобрела в последние десятилетия обвальный характер, началась уже в XVIII веке, с припиской территории к Олонецким горным заводам. При этом коренная смена этнического состава населения в данном районе западного Прионежья – далеко не первая, а скорее, одна из череды происходивших здесь на протяжении всего II тыс. н. э. Она была вызвана притягательностью территории как расположенной на транспортных путях, связывавших две крупных транспортных артерии – реки Шую и Суну – с Онежским озером. Этот транспортный узел определял на протяжении по крайней мере всего II тыс. н. э. постоянный приток нового населения. Совместное проживание приво-

дило к двуязычию и смене языка и этнического самосознания. Традиционно значительный ряд топонимов людиковского ареала в Прионежье характеризуется параллельным бытованием в карельском и русском употреблении, при котором, как правило, оригинальный карельский топоним усваивается в русскую систему именования по определенным правилам [3]. Происходит фонетическое усвоение, которое может сопровождаться определенными звуковыми изменениями (люд. дер. *Törökkä* → рус. *Тереки*, *Jouhoja*, при *-oja* ‘ручей’ → *Евхоя*, а также многие топонимы с сопредельной, уже утратившей карельский язык территории, напр. *Suysarv*, *Kijvi*, *Kulmuka* и др.). Очень продуктивен путь калькирования, особенно возникновение многочисленных полукалек с переведенным вторым компонентом сложных по структуре карельских топонимов: оз. *Hal’l’ärvi* → *Галлезеро*, *Puadniemi* → *Паднаволок*, на смежной русской территории *Тулгуба*, *Колгостров* и др. На широком фоне подобных параллельных названий выделяется группа топонимов, в которых не прослеживается такая прямая связь. В статье проанализированы формирование и языковые истоки дублетных

топонимов, привязанных к одному и тому же объекту, однако не имеющих общих этимологических корней. Рассматривается три случая «дублетов»: первый – карельское и параллельно бытующее русское название, не являющееся переводом карельского оригинала, второй – смена топонима на протяжении документально зафиксированной истории, третий – связка двух разноязычных названий территориально смежных объектов, в которых отражается общий мотив возникновения, позволяющий предполагать переводной характер одного из топонимов связки.

КОНЧОЗЕРО – KENDÄRV

Русское и карельское названия озера характеризуются определенным сходством в звучании, которое, однако, не позволяет убедительно утверждать единство их происхождения. Видимо, даже если оно и существовало изначально, то тот этап развития, который удастся проследить по данным письменных источников, однозначно указывает на их вхождение в разные языковые и топонимические контексты. Название озера *Кончозеро* стабильно фиксируется в документах начиная с XVI века в виде *в Конче озери*, *в концы озере*¹, *в Концеозере*², *Кончезеро*³. Иначе говоря, топоним мог абстрагироваться из сочетания «конец озера», «в конце озера», которое традиционно использовалось в русской речи в деревнях Шуйского погоста для обозначения южного конца озера и располагавшейся там дер. Чупа, входившей в состав Шуйской волости. При этом сам ойконим *Чупа* содержит в основе карельский термин *širppi* ‘конец’, характеризующий местоположение поселения, и это обстоятельство дает основание полагать, что русская формула «деревня в конце озера» применительно к Чупе могла появиться как перевод оригинального карельского топонима **Järvenširppi*, букв. ‘озера конец’, эллиптировавшегося впоследствии до *Širppi* / *Чупа*. При всей гипотетичности предлагаемое здесь развитие на самом деле опирается на закономерности, характерные как для прибалтийско-финской топонимической системы, так и интеграции карельской топонимии в русскую систему именования. С позиций вхождения топонима в ряд подобных важно то обстоятельство, что модель хорошо известна в русской топонимии территориально смежного Заонежья, где неоднократно фиксируются прибрежные угодья *Кончезеро*, *Кончезерье* или *Концезерье* (дер. Падмозеро, Белохино, Тязвия), *Концеозерье* (дер. Хашезеро), а также образованные аналогичным образом *Концецгубье*, *Концецгородье*, *Концеццелье*, *Кончецулица* и др. [6: 203] с характерным колебанием *ц ~ ч*.

Исходя из географического и исторического контекста русский топоним появился, видимо,

в пределах центра исторического Шуйского погоста – куста поселений Шуя, на окраине которого располагалась дер. Чупа. Это взгляд на оз. Кончозеро с юга. В свою очередь, карельский топоним *Kendärv* < **Kendjärvi* имеет, скорее, другой исходный пункт возникновения. В его основе принято видеть кар. *kenttä*, фин. *kenttä*, *kentä* ‘открытое ровное место, напр., на берегу реки или озера; лужайка, заросшая травой’ [12: 33], при том, что второй вариант с одиночным *t*, не зафиксированный в карельских говорах, более оправдан с точки зрения звонкого *d* в топониме; гемината в ситуации перед *j* преобразовывалась бы в *t*, как и происходит в многочисленных *Kentjärvi* в Карелии⁴. На этом фоне и с учетом языковой истории людиковского наречия карельского языка, включающего значительный вепсский субстрат, топоним в принципе может интерпретироваться и как возникший еще на вепсском этапе развития Кончезерья – из вепс. *kend* ‘берег реки или озера у самой воды или край болота’, входящего в одно этимологическое гнездо с кар. и фин. *kenttä* [16: 343–344]. Однако название может иметь и саамские истоки, независимо от того, признаются ли за прибалтийско-финским термином общие языковые корни с саамским (фин., кар. *kenttä*, *kentä*, вепс. *kend* = саам. *gied'de* < праязыковое **kēntē* [11: 52–53], [16: 344]) или же он считается саамским заимствованием в северные прибалтийско-финские языки: саам. *gieddi*, *kieddi*, *kind* ‘естественный луг’ < прасаам. **kientē*, был усвоен в виде *kenttä*, *kentä* (фин., кар.), *kend* (вепс.) [9: 81–84]. Такую вероятность поддерживает саамский гидронимический контекст территории Прионежья: подавляющее большинство относительно крупных озер и рек имеет здесь неприбалтийско-финские истоки. Вряд ли можно сказать определенно, где конкретно располагалось это поросшее травой открытое место, давшее название озеру. Неким ориентиром может быть то обстоятельство, что первоначально термин имел, очевидно, более узкое значение и обозначал бывшее место обитания, заросшее травой, ср. и сейчас в говорах Северной Приботнии *kenttä* ‘заросшее травой место временного проживания’⁵, ‘место, где располагалось в прошлом поселение саамов’ [9: 81]. Применительно к Кончезеру, а также исходя из универсальных закономерностей номинации, можно полагать, что название озера зародилось у протоки, соединяющей озера Кончозеро и Пертозеро, где располагались саамские сезонные поселения (см. рисунок). В этом случае *Kendärv* входит в ряд других озерных и речных названий с саамскими корнями в округе, а постоянное поселение прибалтийско-финского населения (вепсов) возникло на месте сезонного саамского.

Озера Кончозеро и Пертозеро на карте

ПЕРТОЗЕРО (КАР. PERTTJÄRV) – ВИКШОЗЕРО

Озеро Пертозеро соседствует с Кончозером, отделяясь от него короткой протокой (см. рисунок). Название достаточно прозрачно: оно имеет прибалтийско-финские истоки, топооснова восходит к кар. *pertti* 'изба, дом'. При этом в исторических источниках топоним появляется только в XVIII веке, заменяя прежнее, отмечавшееся с XVI века оз. Викшозеро: *дер. на Викшозере словес в Перт-наволоке*⁶, *на Векшозере на Перт-наволоке* (1646)⁷, оз. *Викшь* на карте А. М. Матюшкина, составленной на основе сведений, собранных в 1718 году [8]. Однако на планах Генерального межевания 1790-х годов по Петрозаводскому уезду Олонецкой губернии это уже оз. Перто⁸. Привлечение дополнительных источников XVIII века позволит уточнить дату официального переименования, которое, видимо, сопряжено с основанием Кончезерского меде-и чугуноплавильного завода в 1707 году. При этом те же материалы писцового дела указывают на источник озерного именования – ойконим *Pert'niemi* / *Пертнаволо* 'изба-мыс', который фиксируется уже в XVI веке. Название деревни проецируется на озеро, при котором стоит поселение, что в принципе укладывается в закономерности номинации. Знаменательно, что еще в конце XIX века в списке населенных мест

Карелии озеро зафиксировано с названием *Пертнаволоцкое*⁹, которое явно отсылает к ойкониму.

Исторический же лимноним *Викшозеро* уходит корнями вглубь веков. Те скудные лексические данные, а также более обширные топонимические свидетельства, которые имеются в арсенале исследования, указывают на доприбалтийско-финские истоки топоосновы. Среди фрагментарных свидетельств бывшего бытования финно-угорского термина **viks(V)* с семантикой 'протока' коми лексема *вис* 'протока' < **visk* < **viks(V)* [4], русские говоры Верхневолжья, в которых бытует диалектное слово *вёкса* 'озерный сток' [2: 83], а также известный финским приботнийским говорам ландшафтный термин *vieska* < **vieskV* 'водоток, участок с более спокойным течением выше или ниже порога' [15]. Топонимические свидетельства, в свою очередь, позволяют объединить эти разрозненные лексические свидетельства в единый ареал и, кроме того, будучи привязанными к протокам, стокам озер в реку, подтверждают реконструированную этимологию: в Карелии и Присвирье неоднократно фиксируются озера *Викшозеро*, *Виксозеро*, реки-протоки *Викша*, *Виксенда*, *Викшеньга*, в Белозерье оз. *Быксозеро*, р. *Выкса*, *Выкшица* [5: 291–292], в Финляндии оз. *Vieksijärvi*, *Viiksijärvi*, р. *Vieksi*, *Vieksinjoki*, *Viiksimo* и др., а также р. *Vääksy*, *Vääksynjoki* [13: 18–20], в Верхнем Поволжье неоднократно р. *Вёкса*. Речь, таким образом, идет о древнем финно-угорском ландшафтном термине, закрепившемся в западном Прионежье на этапе его промыслового освоения. Непосредственной ландшафтной подоплекой для кончезерского топонима *Викшозеро* послужила, конечно, короткая протока между озерами Пертозеро (историческое Викшозеро) и Кончозеро (кар. *Kendärv*), при которой в начале XVIII века был возведен Кончезерский завод. Память об этом оказалась давно утраченной, а наследием исторического озерного наименования *Викшозеро* является сейчас р. *Викшица*, впадающая в оз. Пертозеро с севера, а также располагавшееся при ней одноименное поселение.

Пример топонимов *Кончозеро* и *Пертозеро* наглядно свидетельствует о том, что топонимический ландшафт не всегда столь устойчив, как обычно считается, особенно применительно к гидронимии. Очевидно, мена закономерна для территории, которая была подвержена активному проникновению нового населения, сопряженному с ее хозяйственным (в широком смысле) освоением. Обычно в исследовательской практике мы сталкиваемся с процессоммены топонимов уже на современном этапе – в XX веке. Прионежье, будучи во многом инновативным регионом благодаря прежде всего своему стратегическому расположению на перекрестке водных путей, позволяет проследить данный процесс в более глубокой исторической

перспективе и, таким образом, подтвердить его закономерность.

КОШТОМОЗЕРО – ПОВЕЖА?

Данный сюжет описывает еще одну ситуацию дублетности, которая не столь очевидна, как две предыдущие, но исключительно важна как для выявления моделей номинации, свойственных разным топосистемам, так и этимологического исследования топооснов. Имеются в виду наименования смежных объектов, в которых реализуется один и тот же или схожий мотив называния. Одна подобная пара дублетных топонимов людиковского Прионежья была выявлена и описана нами ранее [7]: в названии оз. *Укшезеро* / кар. *Ukšarvi*, *Ukšjärvi* и дер. *Маткачи*, расположенной в основании длинного мыса, вдающегося в озеро с южного берега, в устье реки *Окишица* ~ *Уишица*, воспроизводится один и тот же мотив волока на водном маршруте, ср. уральский термин **ukti* ‘дорога’, подвергшийся преобразованию в **UkšV-* в ходе адаптации к карельскому языковому бытованию, и приб.-фин. *matka* ‘дорога, путь’. Просматриваются два возможных пути развития пары: с одной стороны, калькирование, предполагающее двуязычие населения на этапе появления прибалтийско-финского дублета, с другой – общий мотив номинации, вызванный универсальными подходами к называнию объектов в разных топосистемах или сходными условиями их хозяйственного использования. Прибалтийско-финская топооснова *Matk-* подтверждает в данном случае истинность западно-уральской этимологии для топонима *Укшозеро*.

В предложенной далее паре ни один из ее членов не имеет четкой этимологии, и как раз их совместный анализ позволяет ее уточнить. Речь идет о топонимах, привязанных к двум смежным объектам, расположенным в окрестностях старинного села Янишполе, – оз. *Коштомозеро* в низовьях р. Суны и залив Онежского озера, а также обширная низина *Повежа* при впадении реки в озеро. Последняя тополексема представлена в нескольких названиях Прионежья, формирующих здесь компактный и довольно насыщенный ареал: остров *Повежи* (Колгостров), залив *Повежи* (У Спаса), остров *Повежи* или *Повежий остров* (Грязная Сельга), заливы *Горская Повежа*, *Павловская Повежа*, *Лукинское Повежье*, урочище *Заповежье* (Горка, Лукин Остров), зал. *Poviženlaht* (Сопоха), в котором *-laht* ‘залив’. Семь топонимических фиксаций в локальном ареале на людиковско-русском пограничье, при этом привязанных к однотипным объектам – озерным заливам и расположенным в них островам, явно указывают на терминологический характер топоосновы. Терминологические истоки подтверждает и «Словарь русских говоров Карелии»: *повежа* конд. ‘узкий залив, заросший осокой и затянутый тиной’¹⁰. Каковы

этимологические истоки термина? Не так давно была высказана гипотеза о возможности интерпретировать прионежские *Повежи* в контексте предполагаемых автором публикации В. А. Агапитовым западнославянских, «лехитских» следов в языке и культуре западного Прионежья и возводить их к польскому *powódz*, *powoż*, верхне-лужицкому *powódz* ‘большой, стремительный разлив воды на значительной площади; затопление’ [1: 42–43]. Иначе говоря, предполагается, что в основе прионежского эндемика находится западнославянский эквивалент восточнославянского, в том числе бытующего и в русских говорах Карелии термина *поводь*, *поводье* ‘весеннее половодье, паводок от сильных дождей’ (белом.)¹¹. При всей привлекательности такого подхода возникают некоторые вопросы из области исторической фонетики. Видимо, основным поводом для реконструкции западнославянского источника послужил звонкий шумный [ж] в топониме, соотносимый автором с польским [dz] [ž]. Однако *ж < dj* (см. *поводь*) – это абсолютно регулярный восточнославянский переход и не предполагает, таким образом, обязательного западнославянского истока. Не менее проблематична и фонема [e] второго слога, поскольку считается, что корень *vod-* ‘вода’ имеет устойчивый праславянский вокализм [o] и ни в одном славянском языке не чередуется с *ved-*, что заставляет в принципе предполагать для термина другие этимологические связи, например, видеть за ним суффиксальный *-j-*отовый дериват от *повести*, *поведу* (с корнем *ved-*): **povedja > повежа*¹². Правда, лексические данные русских говоров и славянских языков не содержат убедительных этимонов. Единственная фиксация, связанная (относительно) с ландшафтной лексикой *поведень* ‘отлогий покатый вал на реке или озере’ (с пометой *Север*)¹³, оказывается на деле реминисценцией лексемы *поводень* ‘плавная волна на море, реке; покатая шировая волна’ арх.¹⁴, вводящей ее в круг производных от основы *vod-* и подвергающей сомнению верность написания термина в первом случае. Однако, если допустить, что в данном случае отражается некая локальная фонетическая особенность, то она может в принципе поддержать и [e] в *повеже* и вводить его в этимологическое гнездо *vod-*. Видимо, следует внимательнее отнестись и к тому, что топооснова бытует в карело-русском пограничье и может отражать карельскую фонетическую специфику в адаптации русской лексемы. Вопрос требует дальнейшего изучения. Не предлагая окончательных решений, обратим внимание на ландшафтную характеристику объектов с названием *Повежа*, большинство из которых, как уже указывалось выше, идентифицируют озерные заливы, к тому же непосредственно в зоне поселений. В такой ситуации мотив весеннего половодья и, как следствие,

заливных прибрежных лугов мог действительно быть существенным обстоятельством для номинации.

Есть еще один топонимический факт, косвенным образом поддерживающий такую интерпретацию. Это название озера *Коштомозеро*, которое располагается практически на окраине обширной низины Повежи в нижнем течении р. Суны. Для топоосновы *Kost-* / *Koost-* ~ *Koim-*, которая реализована в топонимах Карелии *Kostamus* / *Kostomuksha*, *Kostamus* / *Kostomuksa*, на территории Восточной Финляндии оз. *Kostamo*, *Kostamojärvi*, *Kostamusjärvi* и др., предложено несколько интерпретаций, в том числе из прилагательного *kostea* 'влажный, сырой', карельского термина *koste* 'обратное течение', 'подветренный берег', глагола *kostaa* 'повернуть, вернуть, возвратить', который указывает в названиях озер и рек на весенний разлив воды, половодье: весной вода разливается, а затем уходит, оставляя по берегам заливные луга [14: 502–503], [15]. При этом, впрочем, и термин *koste*, и прилагательное *kostea* являются отыменными производными глагольной основы *kosta-* [16: 410], которая представляется наиболее убедительной при поиске истоков сунского топонима *Коштомозеро*¹⁵. На такой генезис указывает, в частности, суффикс *-mo*, оформляющий многие из названий (формант *-tus*, видимо, исторически представляет собой контаминацию двух суффиксов: *-mo* и *-us*), и свойственный отглагольным именам [10]. В данном контексте нельзя исключать, что оба топонима — и *Коштомозеро*, и *Повежа* — мотивированы одной и той же особенностью ландшафта. Понимая определенную гипотетичность в выстраивании связки *Коштомозеро* — *Повежа*, предлагаем все

же ее как пример перспективного для выявления этимологических истоков методологического подхода, опирающегося на использование топонимов-дублетов.

ВЫВОДЫ

Поиск и анализ дублетных топонимов перспективен как с позиций их этимологического исследования, так и реконструкции историко-культурной ситуации их возникновения. Пример параллельно бытующих *Кончозеро* — *Kendärv* показывает, что дублет обусловлен включением топонимов в две системы номинации, имеющие разные исходные центры на южном и северном побережье озера и свидетельствующие о смене приоритетов, центров ориентации, связанных, возможно, с образованием и развитием Шуйского погоста. Сменой приоритетов, приуроченной к XVIII веку и связанной, видимо, со строительством Кончезерского завода, обусловлена и замена *Викшозера* на *Пертозеро*. Более наглядно и убедительно топонимическая динамика, базирующаяся на динамике освоения территории и включения ее в экономическую деятельность, просматривается на материале антропонимии, отличающейся большей неустойчивостью.

Дублетная топонимическая пара может возникать в разных языках на основе одного мотива номинации, и в случае этимологической затемненности одного или обоих членов пары он оказывается информативным для реконструкции истоков топонимов. При всей дискуссионности предложенные в публикации примеры *Укшозеро* — *Маткачи* и *Коштомозеро* — *Повежа* свидетельствуют об этимологическом потенциале дублетов.

* Статья подготовлена в рамках госзадания (бюджетная тема АААА-А18-118012490344-5 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Географические термины

дер. — деревня
оз. — озеро
р. — река

Языки, диалекты и говоры

арх. — архангельский
белом. — беломорский
вепс. — вепсский
кар. — карельский
конд. — кондопожский
люд. — людиковский
прасаам. — прасаамский
приб.-фин. — прибалтийско-финский
саам. — саамский
фин. — финский

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Подгот. к печ. А. М. Андрияшев; Под ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 116.
- ² Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ašiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / Подгот. к печ. и ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу: КарНЦ РАН: Ун-т Йоэнсуу, 1993. Т. III. С. 133.

- ³ Специальная карта Западной части России Шуберта 1826–1840 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/> (дата обращения 20.08.2019).
- ⁴ По данным Научной картотеки топонимов Карелии (хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН).
- ⁵ Suomen murteiden sanakirja [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kaino.kotus.fi/sms/> (дата обращения 30.08.2019).
- ⁶ Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г. С. 117.
- ⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. Л. 83.
- ⁸ План Генерального Межевания Петрозаводского уезда. Масштаб межевой карты – 4 версты в дюйме. 1790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/ (дата обращения 30.08.2019).
- ⁹ Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб.: Типография МВД, 1879. С. 10.
- ¹⁰ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1994–2005.
- ¹¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 27. СПб.: Наука, 1992. С. 252.
- ¹² Благодарю за консультацию о возможных этимологических связях *повежи* д. ф. н., проф. В. Л. Васильева.
- ¹³ Словарь русских народных говоров. С. 224.
- ¹⁴ Там же. С. 249.
- ¹⁵ Наиболее убедительно этимологические истоки топоосновы, восходящие к глагольной основе *kosta-* ‘вернуться, возвратиться’, подтверждает топоним *Куштозеро* / вепс. *Kuštärv ~ Kuštjäv* – название известного так называемого периодически исчезающего карстового озера на Мегорской гряде в Южном Обонежье. Через карстовую воронку вода озера периодически уходит под землю, обнажая дно озера, а затем возвращается обратно. Появление *и/у* может быть связано с особенностями местного бытования, ср. также р. *Куштоба* < **Куштома* в Белозерье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапитов В. А. От Шуньги до Конды. Топонимические статьи и краеведческие этюды. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 103 с.
2. Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск: УрГУ, 1990. 95 с.
3. Захарова Е. В. Типы традиционных людиковских поселений по данным ойконимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 130–133.
4. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
5. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 353 с.
6. Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Свод топонимов Заонежья / Под ред. А. С. Герда. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 251 с.
7. Муллонен И. И. Материалы к словарю топонимов Карелии // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1049> (дата обращения 20.08.2019).
8. Старицын А. Н. Русская картография начала XVIII в. и проблема локализации староверческих поселений в северном регионе России // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2017. Вып. 23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=763> (дата обращения 20.08.2019).
9. Aikio A. The saami Loanwords in Finnish and Karelian: PhD Diss. Oulu, 2009. 386 p.
10. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: Otava, 1968. 527 s.
11. Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. 180 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 200).
12. Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1967. 130 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 144).
13. Rahkonen P. South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics Jyväskylä: Bookwell Oy, 2013. 246 p.
14. Räisänen A. Kostamo, Onkamo ja muita paikannimiä // Virittäjä. 2010. № 4. S. 502–530.
15. Suomalainen paikannimikirja. Toim. Sirkka Paikkala. Helsinki: Karttakeskus, 2007. 592 s.
16. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Osa 1. Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992.

Поступила в редакцию 27.09.2019

Irma I. Mullonen, Doctor of Philology, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

DOUBLET NAMES IN THE TOPONYMIC SYSTEM OF THE LUDIC ONEGA LAKE AREA*

The article studies the doublet or different names of the same or related objects to show the lability of the toposystem, which has been usually considered stable. The potential of this dynamism is revealed both for historical linguistics and ethno-historical research. The author analyzes the reasons for such mobility, including the influx of new population due to the economic development of the territory. The toponymic materials from Onega Lake area, including both field materials and toponyms extracted from historical sources starting with the XVI century, were used for analysis. Three cases of “doublets” were studied: 1) the concurrent existence of a Karelian toponym and a Russian toponym not being the translation of the original Karelian word (Kar. *Kendärv* – Russ. *Konchezero*); 2) the change of a toponym throughout the documented history (*Pertozero* – *Vikshozero*); and 3) the linking of two multilingual

names of territorially adjacent objects, which reflect the common motive of their occurrence (*Povezha – Koshtomozero*), which suggests one of the names to be the translation of the other. The analysis was based on the methods of comparative historical linguistics, as well as on a wide range of toponymic techniques.

Keywords: toponym, Baltic-Finnish languages, Russian dialects, Ladic dialect, Prionezhye, Onega Lake area

* The article was written as part of the state project AAAA-A18-118012490344-5 “The Baltic-Finnish languages in the north-west of the Russian Federation: linguistic research in the socio-cultural context”.

Cite this article as: Mullonen I. I. Doublet names in the toponymic system of the Ladic Onega Lake area. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 31–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.398

REFERENCES

1. Agapitov V. A. From Shunga to Konda. Toponymic articles and local history essays. Petrozavodsk, 2018. 103 p. (In Russ.)
2. Vostrikov O. V. Finno-Ugric substrate in the Russian language. Sverdlovsk, 1990. 95 p. (In Russ.)
3. Zaharova E. V. Types of traditional Ladic settlements through the prism of oikonyms. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the IV International Scientific Conference*. Yekaterinburg, Sept. 9–13, 2019. Yekaterinburg, 2019. P. 130–133. (In Russ.)
4. Lytkin V. I., Gulyaev E. S. Brief etymological dictionary of the Komi language. Moscow, 1970. 386 p. (In Russ.)
5. Mullonen I. I. Toponymy of the Svir River area: problems of ethnic and language contacts. Petrozavodsk, 2002. 353 p. (In Russ.)
6. Mullonen I. I., Azarova I. V., Gerd A. S. List of toponyms of Zaonezhye. (A. S. Gerd, Ed.). Petrozavodsk, 2013. 251 p. (In Russ.)
7. Mullonen I. I. Materials for the *Dictionary of Karelia's Place-Names. Nordic and Baltic Studies Review*. 2018. Issue 3. Available at: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1049> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
8. Staritsyn A. N. Russian cartography in the early XVIII century and the problem of localization of the Old Believers' settlements in the northern region of Russia. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2017. Issue 2. Available at: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=763> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
9. Aikio A. The Saami loanwords in Finnish and Karelian: PhD Diss. Oulu, 2009. 386 p.
10. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, Otava, 1968. 527 s.
11. Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. 180 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 200)
12. Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1967. 130 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 144).
13. Rahkonen P. South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics Jyväskylä, Bookwell Oy, 2013. 246 p.
14. Räisänen A. *Kostamo, Onkamo ja muita paikannimiä. Virittäjä*. 2010. No 4. S. 502–530.
15. Suomalainen paikannimikirja. Toim. Sirkka Paikkala. Helsinki, Karttakeskus, 2007. 592 s.
16. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Osa 1. Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992.

Received: 27 September, 2019